

Г.Ф. Монзoleвский

**Филон Александрийский и
его мирозерцание**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г.Ф. Монзoleвский**
Филон Александрийский и его миросозерцание / Г.Ф. Монзoleвский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-518-06820-9

ISBN 978-5-518-06820-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лений любимой имъ ессейской общины ¹, а при явленіи того Лица, мыслию о которомъ проникнуто все ученіе ветхаго завіта. Въ этомъ отношеніи Филонъ вполне раздѣляетъ общее вѣрованіе своего племени въ грядущаго Мессію и о времени прише- ствія Мессіа мечтаетъ какъ о самомъ счастливомъ времени для человечества ².

Филонъ имѣлъ огромное вліяніе не только на свою эпоху, но и на эпоху развитія философскихъ понятій о христіанствѣ въ первенствующей церкви. Многіе изъ христіанскихъ писателей (напр. Климентъ александрійскій, Оригенъ) въ своихъ сочи- неніяхъ проводили иногда его воззрѣнія и пользовались его мето- домъ при объясненіи св. писанія.

Мы имѣемъ въ виду рассмотреть духъ и ученіе этого замѣ- чательнаго для христіанства мыслителя іудейскаго.

I.

Въ ближайшее время послѣ смерти Александра македонска- го главными мѣстамъ греческаго образованія были Аѳины, ко- торыя, въ воспоминаніе прежняго своего блеска, составляли те- перь сборное мѣсто разныхъ отдѣльныхъ группъ и школъ фило-

¹ Въ своемъ похвальномъ словѣ элинамъ Филозъ говоритъ, что у нихъ онъ видитъ образецъ общества, основаннаго на началахъ равенства.

² «Люди будутъ стыдиться войны съ тѣми, которыхъ сама на- тура создала для согласія и мира; животныя утратятъ свою же- стокость и сдѣлаются товарищами человѣка: земля сама будетъ производить плоды, нужные для нашего существованія; счастье обитателей земли никогда не будетъ измѣнять имъ», (*De praem. et poen.*, p. 124.—*De execrationibus*).

софскихъ. Академія Платона имѣла тамъ своего представителя, равно какъ школа перипатетиковъ — своихъ послѣдователей. Тамъ жили также и учили: послѣдователь Сократовой философіи Антистоенъ, подъ именемъ цѣника, и ученикъ философіи наслажденія — Аристиппъ, послѣдователь школы кривейской. Были тамъ и невя школы стоиковъ и эпикурейцевъ, на-ряду съ которыми, въ залѣ Платоновой академіи, собиралась группа скептиковъ, которая съ своимъ сомнѣніемъ въ возможности общаго и безспорнаго знанія боролась противъ основныхъ положеній догматической школы. Но въ то-же волнующееся и бурное столѣтіе, которое наступило послѣ смерти Александра, успѣлъ возвыситься между прочимъ другой городъ какъ соперникъ Аѳинъ — Александрія, которая пріобрѣтала себѣ значеніе по мѣрѣ того, какъ Аѳины, теряя свою политическую независимость, утрачивали вмѣстѣ съ тѣмъ и свой духовный блескъ. И когда въ 86 году предъ Р. Х. Аѳины были завоеваны Суллою, — политическое зданіе Александра при устьяхъ Нила стало уже самымъ важнымъ торговымъ пунктомъ тогдашняго свѣта и самымъ блестящимъ разсадникомъ греческаго образованія.

Въ-слѣдствіе счастливаго соединенія обстоятельствъ, которыя одинъ только разъ въ исторіи сошлись такимъ образомъ, въ Александріи сосредоточилась вся духовная жизнь востока и запала и, словомъ, все соединилось тамъ какъ-бы съ тѣмъ, чтобы памятникъ великаго человѣка сдѣлать, на рубежѣ стараго и новаго времени, исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ тогдашняго всесвѣтнаго эллинскаго образованія. Птоломеи первые въ Египтѣ съ усердіемъ ухватились за великую мысль Александра и поставили себѣ задачею какъ можно быстрѣе привести Александрію въ цвѣтущее состояніе. По всѣмъ направленіямъ Александрія заявила вдругъ, путемъ богатой и жизненной литерату-

ры, духъ новаго времени въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, — именно, по части исторіи и поэзіи, филологіи и философіи, математики и астрономіи, естествознанія и вообще реальныхъ наукъ. Всемирный рынокъ сдѣлался вдругъ сѣдалищемъ всемірной литературы и всемірнаго образованія, которое объединило въ себѣ разрозненныя части прежнихъ народныхъ культуръ. Впрочемъ, александрійская литература была главнымъ образомъ только ученымъ собраніемъ матеріаловъ и критикой, не производя собственно ничего новаго въ наукѣ и поэзіи. За-то въ области наукъ реальныхъ, находящихся въ тѣснѣйшей связи съ практической жизнію, гений александрійцевъ произвелъ богатые плоды. Это замѣчательное время представляетъ много блестящихъ личностей, которыя на цѣлое столѣтіе потомъ были учителями міра.

Въ двухъ мѣстахъ великолѣпнаго города находились огромныя книгохранилища древности. Древнѣйшая часть знаменитой александрійской бібліотеки, помѣщавшаяся близъ царскаго замка, въ той части города, которая называлась Брухіумъ, — сожжена была во время войны съ Цесаремъ. Другая часть, заключавшаяся въ залѣ огромнаго и великолѣпнѣйшаго храма Сераписа, была позднѣе обогащена еще бібліотекою, которую Антоній подарилъ царицѣ Клеопатрѣ. Въ Брухіумѣ, въ прекрасныхъ и пышныхъ зданіяхъ замка, находился также музей, въ которомъ ученые александрійцы имѣли отдыхъ и вели свободную дружескую бесѣду.

Въ началѣ царствованія Птолемеевъ въ Александрію мѣше заботились о философіи, чѣмъ объ остальныхъ наукахъ. Но въ послѣднее время Птолемеевъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ философскій цвѣтъ Аѳинъ сталъ опадать и начало превозмогать римское владычество цесарей, — Александрія сдѣлалась самымъ главнымъ мѣстопребываніемъ философскихъ школъ. Подобно то-

му, какъ въ различныхъ кварталахъ города разсыяно было безчисленное множество частныхъ школъ и аудиторій для грамматики и реторики, преподававшихся въ интересахъ элементарнаго образованія и приготовленія для гражданской жизни, математики и медицины, преподававшихся въ интересахъ практической жизни общества, — философія въ свою очередь имѣла множество школъ въ городѣ, и въ теченіе послѣдняго столѣтія предъ К. X. стекалось тамъ множество болѣе или менѣе выдававшихся учителей всѣхъ родовъ — стоиковъ и эпикурейцевъ, толкователей Платона и Аристотеля и даже послѣдователей стараго философа Гераклита, равно какъ и обновителей ученія Пифагора. Названія старыхъ философскихъ школъ удержались и въ Александріи; но ихъ послѣдователи не шли уже исключительно въ замкнутыхъ границахъ системъ, а отбросили въ сторону всякую рѣзкую разрозненность и враждебность партій и искали объединенія и отождествленія различныхъ ученій и взглядовъ. Путемъ подобнаго сближенія произошелъ такъ называемый философскій эклектизмъ, т. е. отборная и смѣшанная философія, въ которой элементы самыхъ различныхъ философскихъ системъ, смотря по направленію и нуждамъ образованія тѣхъ, которые предавались изученію философіи, болѣе или менѣе сопрягались въ единство міросозерцанія.

Такой пшменно переработкѣ и пополненію прежними философскими взглядами подвергнуто было и ученіе Платона, котораго сочиненія, наполненныя образами поэтической фантазіи, увлекали какъ по языку, такъ и по искусству изложенія гораздо больше, чѣмъ сухія и точныя умозрѣнія Аристотеля. И если философія Платона, какъ она ни была неполна и замкнута, заключала уже въ себѣ такой ростокъ, изъ котораго на цѣлое столѣтіе могли развиваться богатые сѣмена духовной жизни, — то повят-

но будетъ то странное явленіе: какъ платоническая философія превратилась, съ одной стороны, подъ руками настоящихъ послѣдователей Платона въ самой академіи, въ скептицизмъ и сомнѣніе въ возможности достовѣрнаго познанія, а съ другой стороны, въ Александріи, подъ сильнымъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній востока, могла стать исходнымъ пунктомъ и основаніемъ таинственнаго и крайняго міросозерцанія, которое цѣлое столѣтіе потомъ находило для себя многихъ даже замѣчательныхъ послѣдователей. Платоново ученіе допускало развивать и переработывать себя, смотря по тому, какой пунктъ различныхъ сторонъ платоническаго умозрѣнія избираемъ былъ за исходный пунктъ философствованія. Ученики и послѣдователи Платона относились въ прочимъ философскимъ направленіямъ, которыя выступили послѣ смерти Аристотеля, по преимуществу какъ наѣзники, потому что они, съобразно съ своими особенными потребностями образованія, выбирали и усваивали только тѣ цвѣты и плоды мысли, которые обѣщали что-нибудь ихъ сознанію и образу жизни. Особенно стоическій и погомъ пифагорейскій образъ мыслей, сошедшійся въ этомъ свойствѣ съ платоническимъ воззрѣніемъ, состоялъ въ томъ, чтобы образовать такую философію, которая поставила бы свое основаніе на твердой практической почвѣ жизни, и платонизмъ назывался то стоическимъ, то пифагорейскимъ, то аристотелевскимъ потому собственно, какой элементъ смѣшиваемъ былъ съ платоническимъ основаніемъ — стоическій ли, пифагорейскій или аристотелевскій. Вотъ почему нерѣдко видимъ мы въ это время, что одинъ и тотъ-же философъ училъ частію какъ платоникъ, частію какъ стоикъ или пифагорецъ, частію какъ аристотеликъ, — хотя, строго говоря, онъ ее былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а только отъ каждаго изъ нихъ имѣлъ что-либо заимствованное. Мѣстомъ подобной мозаической философіи была

и Александріа и притомъ гораздо прежде еще появленія собственно такъ называемой эклектической школы, основателемъ которой былъ извѣстный Потамонъ, жившій около временъ Августа Кесаря.

Однимъ изъ такихъ философствующихъ наѣздниковъ, выѣзжавшихъ преимущественно на платоническихъ основаніяхъ, былъ и тотъ мужъ, который извѣстенъ въ исторіи первобытнаго христіанства, который не справедливо называемъ былъ іудейскимъ Платономъ¹ и котораго нѣкоторые отцы называли также пиеагорейцемъ. Но какъ, спрашивается, іудей могъ сдѣлаться философомъ? Ужели греческая философія могла имѣть что-нибудь общее съ іудействомъ? Эти вопросы, конечно, могли бы имѣть силу только въ томъ случаѣ, если-бы неизвѣстно было, какъ въ Александріи объединялись всевозможныя противоположности. Не только въ стѣнахъ ея — на рынкѣ, въ школахъ, театрахъ и гимназіяхъ сталкивались постоянно, начиная со времени Цесаря, египтяне и сиріяне, индійцы и персы, греки и римляне, и вступали такимъ образомъ въ духовное соприкосновеніе, — но и въ книгохранилищахъ ея всѣ находили для себя удобный случай и средство къ образованію.

Разсѣяніе іудеевъ по всѣмъ странамъ около Средиземнаго моря происходило въ одно время съ выселеніемъ грековъ за предѣлы ихъ отечества. За-долго до Александра Великаго іудеи переселены были уже, изъ палестинской области, въ Ассирію и Вавилонъ. Уже во времена пророка Іереміа, іудеи, изъ несчастной своей родины, переселялись въ Египетъ. Когда потомъ основана была Александріа и быстро пришла въ цвѣтущее состояніе, іудеи, поселившіеся тамъ, отъ самаго основателя получили пра-

¹ *Φίλων πλατωνίζει ἢ Πλάτων Φιλωνίζει*. Suidas.

ва гражданства на-ряду съ македонянами и греками. Поздѣе поселялось еще безчисленное множество іудеевъ и въ другихъ частяхъ Египта. Основатель династіи Птолемеевъ питалъ особенную довѣренность къ іудейскимъ воинамъ и многихъ іудеевъ посылалъ въ ливійскіе города колонистами. Послѣдующіе Птолемеи давали іудейскимъ воинамъ важныя должности и щедро награждали ихъ. Около 163 г. до Р. X. египетскіе іудеи получили отъ Птолемея Филометора позволеніе постройть іудейскій храмъ въ Леонтополисѣ, въ окрестностяхъ Гелиополиса. — т. е. въ странѣ, освященной въ іудейскихъ преданіяхъ исторіей Моисея. Этотъ храмъ былъ щедро одаренъ царскими сокровищами и повѣстьями, изъ которыхъ причтъ получалъ доходы для себя.

Во время Филона двѣ изъ пяти частей города, именно въ той сторонѣ его, которая обращена была въ морю — къ Брухіумѣ, населены были преимущественно іудеями. Они имѣли своего регента или представителя своей религіи, который назывался алабархомъ и держалъ судъ, примирялъ ссоры, наблюдалъ за договорами и закономъ и отвѣчалъ предъ римскимъ правительствомъ за исправность платежа налоговъ. Тогдашніе іудеи александрійскіе пользовались равенствомъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ прочими александрійцами, между тѣмъ какъ всей остальной массѣ городскихъ жителей Египта въ такой свободѣ и правахъ было отказано. Въ городѣ было разбѣяно множество іудейскихъ молитвенныхъ домовъ. Но такъ-какъ колонисты обыкновенно мало по малу забываютъ свой родной языкъ съ теченіемъ времени, то это случилось также и съ іудеями александрійскими, и они скоро пришли къ тому, что не въ состояніи были понимать еврейскій текстъ своего священнаго закона. Въ слѣдствіе этого для нихъ необходимо было имѣть свои религіозныя книги въ переводѣ на греческій языкъ.

Съ начала этого столѣтія выступило между александрійскими іудеями даже нѣсколько эпическихъ и драматическихъ стихотворцевъ. Для выраженія своихъ мессіанскихъ ожиданій, которыя александрійскіе іудеи раздѣляли съ своими палестинскими единоплеменниками, выбрали они, съ начала этого самаго столѣтія, ходячую форму сивиллиныхъ предсказаній. Іудейскія сивиллы предсказывали, въ гекзаметрахъ, паденіе язычества и побѣду святыхъ и праведныхъ людей, которымъ Всевышній испошлетъ царя. Наконецъ, въ предпоследнемъ до-христіанскомъ столѣтіи выступилъ въ Александріи іудей Арастовуль, знатокъ перипатетической философіи, съ своими комментаріями на законы Моисеевы. Онъ посвятилъ свое сочиненіе молодому князю Птоломею Филометору и въ немъ провель тотъ взглядъ, что самыя древніе греческіе поэты — Орфей, Линосъ, Гомеръ, Гезіодъ знали уже Моисеевы книги и что даже греческіе философы, каковы, напримѣръ, Сократъ, Платонъ и Аристотель, почерпали свою мудрость изъ древняго греческаго перевода Моисеева кодекса или же изъ личныхъ столкновеній съ народомъ Божіимъ во время своихъ путешествій. Что эти греческіе мыслители имѣли также чистое и правильное понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру, которое для іудея, внутренно убѣжденнаго въ единственности даваемаго Моисею божественнаго откровенія, казалось находящимся только въ его священныхъ книгахъ, — это неожиданное и странное для сознанія іудейскаго явленіе могло быть объяснено, съ точки зрѣнія іудейской вѣры въ откровеніе, не иначе, какъ только тѣмъ, что высокообразованные язычники позаимствовали свое понятіе о Богѣ изъ іудейскаго источника. Но какъ скоро это убѣжденіе сдѣлалось непоколебимымъ у высокообразованныхъ александрійскихъ іудеевъ и нѣсколько даровитыхъ между ними личностей вступило въ ближайшее соприкосновеніе

съ наукой, то путемъ торговли, то посредствомъ школъ риторскъ и философовъ, то наконецъ помощію александрійской бібліотеки, — тогда одна часть подобныхъ огречившихся іудеевъ невольно стала придавать вѣсь потребности указать въ самыхъ священныхъ книгахъ тѣ духовно-нравственныя воззрѣнія, которыя возникли на почвѣ общественной жизни и обстоятельствъ. Притомъ, такъ-какъ буквальный смыслъ священнаго писанія не могъ вѣшать этому, потому что на-ряду съ послѣднимъ существовали еще взустныя историческія преданія, дополнявшія писанія, — то мудраго законодателя возвели еще въ великаго философа и въ его словахъ стали подозрѣвать скрытый глубокий смыслъ, который могъ быть сткрытъ не иначе, какъ съ помощію извѣстнаго ключа или соглашенія Моусеева откровенія съ греческою философіею. Такимъ ключемъ была аллегорія, такъ-какъ думали тогда, будто слово или образъ иное говорятъ, а иное значить. Такимъ образомъ, изъ неизбѣжной потребности найти оправданіе для религіозныхъ преданій въ элементахъ новой культуры, произшелъ тотъ новый способъ толкованія священныхъ книгъ, который называется аллегорическимъ.

Не всѣ, конечно, александрійскіе іудеи чувствовали эту нужду, потому что не всѣхъ ихъ каснулось греческое образованіе. Не всѣ также были преданы аллегорическому способу толкованія, но часть ихъ твердо держалась въ предѣлахъ буквального пониманія закона Моусеева и священныхъ преданій. За-то другая часть зашла такъ далеко, что весь обрядовый законъ Моусеевъ понимала какъ простой чувственный обрядъ или форму, которая для успѣвшихъ въ духовно-нравственномъ развитіи безполезна и не нужна. Между этими двумя протувположностями александрійскаго іудейства существовалъ еще особенный видъ религіозно-философскаго сознанія и образованія, который въ теченіе

царствованія Птоломеевъ развивался среди александрійскаго іудейства съ помощію надлежащей теоріи ученаго аллегорическаго объясненія писанія. Самое зрѣлое и чистое выраженіе его, равно какъ относительно полное его осуществленіе заключается въ сочиненіяхъ іудея Филона.

II.

Филонъ между представителями своего времени является такою личностію, въ которой сосредоточилось и выразилось все духовно-нравственное направленіе Александріи. Онъ вполнѣ былъ выразителемъ своего вѣка. Въ немъ все лучшее въ философіи соединилось со всѣмъ лучшимъ въ тогдашнихъ религіяхъ, именно — съ религіозно-нравственными вѣрованіями народа Божья. Ходъ умственной и нравственной жизни тогдашняго человѣчества требовалъ такой головы, которая усвоила бы и переработывала плоды высчайшей культуры духа и потомъ начертала бы идеаль, столь необходимый тогда для отчаявшихся сердець. Такую голову имѣлъ Филонъ, и его міросозерцаніе было столь характеристичнымъ и оригинальнымъ въ тогдашнее время, что могло вліять на все ближайшее къ нему столѣтіе и оплодотворять мысли и стремленія тогдашнихъ людей. Особенно оно было сильно гѣмъ, что не шло въ разладъ съ мессіанскими ожиданіями іудеевъ, начинавшими уже проникать и во внутреннюю жизнь самихъ язычниковъ.

Этотъ замѣчательный человѣкъ, — котораго свѣжій и характеристично-жизненный образъ, смотрящій въ сокровенное будущее духовно-нравственной жизни народовъ проныцательнымъ взглядомъ, выступаетъ теперь для насъ какъ гіероглифъ какой-нибудь, — родился въ 20-мъ году предъ Р. Х., т. е. въ то са-